

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 7. ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них. § 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса. § 3. Группировка законов. § 4. Пояснения к некоторым законам. § 5. Закон подвижности (замены) функций.

§ 5. Закон подвижности (замены) функций

В этом параграфе мы обстоятельно рассмотрим закон, к которому в дальнейших главах будем еще не обращаться¹. Одновременно представляется случай продемонстрировать возможную методику описания законов².

Под **подвижностью** здесь понимается изменение места функций по значимости в их общей системе. Так, например, у искусства в разные периоды менялись по важности воспитательная, идеологическая, развлекательная, эстетическая и другие функции. В это понятие также включены различия и колебания в полноте и адекватности реализации функций. Степень исполнения законов, поддержания порядка и многое другое легко привести в качестве ил-

¹ Этот закон, как и ряд других, описанных в этой главе, сформулирован и вводится в научный оборот мной. Стоит заметить, что, хотя здесь мы сосредоточимся на общественном развитии, закон подвижности (замены) функций в определенной мере характерен вообще для эволюции.

² В том числе, как использовать тот алгоритм, который описан в § 2 данной главы (см. настоящую работу // Философия и общество. 1998. № 6. С. 48–50).

люстраций³. Это вполне тривиально и составляет, собственно, одну из причин разнообразия и неповторимости истории, но, к сожалению, часто забывается, когда универсальные понятия пытаются применить к конкретным задачам.

Под **заменой** имеется в виду утрата каких-то функций (отказ от них) и (или) приобретение других. Например, если в результате преобразований уничтожаются определенные отношения, отпадает и функция их поддержания. Потеря колониальной империи, очевидно, делает лишней и функцию управления ею. Существенная трансформация какой-то организации ведет к потере ею своих главных функций. Скажем, у коммунистической партии России основные для прежнего времени функции утрачены, но зато другие (быть оппозицией) приобретены⁴.

К значению термина «функция» мы вернемся чуть позже. Только оговоримся сразу, что само обобщение каких-то действий или вещей в ту или иную функцию есть результат большего или меньшего абстрагирования и определенного мыслительного огрубления, а значит, нередко в одно целое объединяются достаточно разные или даже спорные вещи. Неучет этого может стать причиной серьезных ошибок.

Данный закон может быть представлен рядом формулировок. Наиболее общая, объясняющая и его название, выглядит так: *развитие какого-либо объекта (то есть явления, отношения, института, организации в широком смысле слова и т. п.)⁵ связано с подвижностью и (или) заменой выполняемых им функций. Поэтому в общей системе функционирования объекта могут меняться как число функций, так и их иерархия, а также качество, объем, полнота и прочие характеристики реализации функций.*

³ Например, армия может начать выполнять не столько боевую, сколько парадную роль. И тогда этой стороне станут уделять главное внимание, как было в русской армии времен Николая I, где господство вала шагистика.

⁴ Иногда такие перемены очевидны и ясны. Но нередко (особенно в традиционных обществах) какие-то функции сохраняют старое название и обрядность, но по содержанию становятся совершенно иными. Подарки перерастают в налоги, добровольность – в принуждение, демократия – в оправдание тирании и т. д. Поэтому граница между заменой функций и их подвижностью не столь очевидна.

⁵ В этом параграфе я буду часто употреблять слово «объект» именно в таком собирательном смысле.

Но раз функции жестко не закреплены ни в количественном отношении, ни по их важности между собой и в отношении объекта в целом, значит, в разных условиях на первый, второй и т. д. план выходят порой прежде неглавные, второстепенные⁶, совсем новые, а то и вовсе бывшие лишь в потенции и т. д. При этом иногда общий набор функций может в основном совпадать, а их иерархия и комбинация быть весьма разными в зависимости от всей системы и остальных вещей. От этого в огромной степени меняются и характеристика явлений, и смысл категории. Вот для иллюстрации интересный вывод историка: «Являясь, как и европейский город, многофункциональным образованием, восточный город отличался ги-пертрофированностью одной из его функций, а именно военно-административной»⁷.

Следовательно, от эпохи к эпохе, от общества к обществу сходные институты, отношения и явления, выражаемые в определенных категориях, по своим функциям часто существенно различны. И чтобы не совершить ошибки или подмены при сравнении одноименных объектов в разных обществах и эпохах, об этом необходимо помнить. Сказанное объясняет, почему одни и те же институты (иногда точно скопированные) дают в несходных обществах разный результат, а функции однотипных объектов порой становятся противоположными.

Механизм действия закона подвижности (замены) функций частично объясняется еще и тем, что в любом действующем объекте всегда есть потенциальные, то есть вообще незаметные, функции, а также те, которые играют очень малую или эпизодическую роль. При этом любое изменение функций может создавать новые потенции, поэтому такой процесс бесконечен. К этому моменту мы еще вернемся.

Для того чтобы лучше понять, какова область применения данного закона и когда он наиболее ярко проявляется, нужно произвести ряд мыслительных операций. Начнем с того, чтобы подобрать противоположный закон, связанный с неизменностью, неподвижностью функций (неважно, если практически он непригоден). То-

⁶ Например, государство всегда осуществляло функцию социального страхования и обеспечения, но в малых размерах и для немногих. В определенный же момент она стала разрастаться и превратилась в важнейшую.

⁷ История Востока: В 6 т. Т. П. Восток в средние века. М., 1995. С. 636.

гда формулировка могла бы быть следующей: чем короче рассматриваемый отрезок времени и чем конкретнее при этом объект, тем неподвижнее функции и сильнее их инвариантность. Таким образом, *закон подвижности (замены) функций неприменим к ситуационной ситуации, если только это не момент как раз смены функций.*

Теперь стоит сказать о **критических точках**. Можно выделить **временные, пространственные** (то есть связанные с определенным историко-географическим пространством), а также **смысловые**, то есть связанные с объемом вкладываемого в термин содержания. Все их надо разделить на **верхние и нижние**.

Одна из критических точек, а именно **нижняя временная**, только что была задана. Можно также наметить **смысловую и пространственную нижние** критические точки. **Смысловая** ставит следующие пределы: мы опускаемся ниже класса объектов и упираемся в единичный объект⁸. Но обязательно отметим, что речь идет не об уникальных вещах, а имеющих аналоги в других местах. Уникальные вещи требуют особой методики исследования. К ним закон применим с большими оговорками или в отдельных случаях. Нижний смысловой предел – нередко даже не целый крупный объект, а одна из его структурных единиц, например часть важного института или конкретный механизм определенного отношения. Но при этом мы говорим не просто о «колесике и винтике» более широкой системы, а о довольно оформленном в системном отношении и структурно достаточно сложном элементе какого-то объекта. В качестве примера можно взять определенные важные налоги (включая систему их сбора, место в общих поступлениях, отношение к ним в обществе, со стороны идеологии, власти и т. п.) как часть налоговой системы в целом.

Сказанное о смысловом касается и пространственного объема. Так, какой-нибудь отдельный город в рамках единого общества может стать пределом, если мы говорим о базовом национальном рынке, то есть если городское хозяйство тесно интегрировано в национальное.

⁸ Единичные фактически или по типу, то есть в принципе однотипные и ограниченные одной системой. Скажем, крестьянская община одной страны есть совокупность множества мелких поселений. Но если структурно они сходны, то мы и считаем их все за один объект.

Что касается **верхних** критических точек, то **временная** ограничена тем периодом, в течение которого объект имеет определенные родовые черты своего класса, позволяющие его идентифицировать. Значит, в эпохах до рождения этого явления и после его трансформации в нечто иное сравнение становится уже затруднительным. Рассматриваемый закон, таким образом, может касаться в зависимости от нашей задачи как всего исторического процесса, так и определенной его части.

Пространственная точка показывает, что границы тут широкие, вплоть до всего человечества, поскольку многие объекты можно рассматривать в ряде обществ многих эпох. Но **смысловая** говорит, что предел здесь – достаточно оторванная от реалий абстракция. *Ведь чем абстрактнее категория, чем больше типов и подтипов, обобщающих конкретные явления (отношения, институты), оно вбирает в свое содержание, тем сложнее определить точку отсчета для применения закона и методик его использования.* Поэтому, хотя общее название объекта по содержанию может включать в себя довольно много (иногда даже очень много) вариаций, однако речь идет о терминах, которые описывают конкретные исторические воплощения⁹. Об этом мы еще скажем.

Рассмотрим теперь, когда он проявляется наиболее ярко. Очевидно, что для него нужны определенные объемы времени, пространства, содержания. Наибольшие сложности могут быть именно с последним. Ибо это должно быть нечто действительно «весомое», «осязаемое», «реальное» в историческом плане, естественно структурированное, а не аморфное, объединяемое лишь силой нашего мышления. Если брать объем общества (социального организма), то при анализе его наиболее крупных подсистем (производственной, политической и др.) проявления закона не столь очевидны. Ведь в таких подсистемах (сферах) мы изначально стремимся выделить именно сквозные и весьма абстрактные функции. А вот отдельные объекты (моменты, институты, отношения), представляющие **второй-третий уровень от уровня подсистем-сфер, и дают наибольшую яркость проявления.** Так, среди политической

⁹ Данный закон применим не только к одноименным объектам, но и определенных случаях и к разноименным, если они выполняют сходные функции, чтобы сравнивать эффективность их реализации. Так, мы могли сравнивать, скажем, государство и рынок в регулировании хозяйственной жизни.

подсистемы можно выделить государство, отдельные его органы или части (вроде судебной системы, армии, крупных политических партий). В духовной сфере – церковную или идеологическую организации. Среди социальной сферы – особые институты, способствующие делению общества или его устойчивости (например община). Можно вспомнить и о том, что я называл единицами анализа (социальными, политическими, этническими и прочими)¹⁰. Часть из них хорошо подходит в качестве примера яркости.

Значит, будучи очень емким во временном отношении, закон не таков в плане содержания, поскольку более подходит для вполне определенных системных институтов или отношений, чем для высоких абстракций. Например, он более эффективен для анализа института частной собственности, налогов и прочего, но меньше – для распределительных отношений в целом. Поэтому хотя он в известной мере и применим для выведения формационных характеристик горизонтальной линии исторического процесса, но гораздо удобнее не для выведения непосредственно формационных категорий, а для предшествующих им уровней и, так сказать, их составных моментов (и даже несколько ниже)¹¹.

Итак, закон подвижности *ярче проявляется для объектов реально-исторических (то есть очевидных, наглядных для любого исследователя), причем в то же время имеющих достаточно широкой и неопределенный набор функций; для больших временных и пространственных объемов; а также там, где старые формы используются для несвойственных им задач или реанимируются.*

Следовательно, более всего он значим в теории истории (а также и в социологии истории, например при типологии явлений), поскольку имеет дело с абстракциями меньшего объема и опирающимися на вполне очевидные реальности (такие, как «средневековый город»). Собственно, именно для таких объектов М. Вебер и разработывал свой знаменитый метод идеального типа. При этом вы-

¹⁰ См. Настоящую работу// Философия и общество. 1997. № 3. С. 33–36.

¹¹ Другими словами, если мы ведем речь о типе политической организации обществ как формационной категории, то данный закон будет удобен для анализа составных ее моментов: государств (и их структурных частей), политических организаций, правовых систем и определения их функций в движении. То же касается и такой категории, как тип отчуждения благ и личности. Здесь мы можем говорить об отдельных видах собственности, налогах и прочем.

страивается целая лестница уровней обобщения, от конкретного исторического явления до предельной абстракции¹². Закон также вполне продуктивен и в историографии, особенно при использовании сравнительно-исторического метода. Но он весьма важен и в теории исторического процесса, так как объясняет некоторые механизмы появления нового качества, некоторые причины неравномерности развития и т. п.

Как и любой другой крупный закон, он тесно связан с целым рядом других и нередко проясняет механизм их действия. Например, его часто следует анализировать в паре со спенсеровским законом перехода однородного в разнородное, простого – в сложное. Ведь процесс дифференциации и заключается в том, что прежде единая функция распадается на несколько обособленных. Или возьмем закон сходных (несходных) ответов на сходные (несходные) вызовы. Новые, особенно судьбоносные для объекта задачи и проблемы требуют крайнего напряжения, часто неординарных или прежде невозможных действий. Отсюда как сходство, так и несходство в ответах, следовательно, изменение или замена функций. Сказанное относится и к закону приспособления системы к внешней среде.

Наш закон также связан с законом победы лучшего, поскольку необходимость заимствования более эффективного заставляет приспособлять собственные институты к лучшим моделям, а тем самым менять их функции. Он важен при анализе закона складывания особых условий в местах появления нового и для понимания некоторых причин образования и сосуществования разных линий исторического развития; проясняет отдельные моменты законов соотношения формационного развития и развития отдельного общества. Он показывает некоторые движущие силы развития и причины использования старых форм для новых задач, а в определенной мере и объясняет, почему одни институты оказываются способными жить в течение ряда формаций, а другие нет.

В масштабе одной конкретно-исторической системы системные законы частично конкурируют, а частично дополняют исследуе-

¹² Возьмите, например, религию, и можно увидеть, как конкретные системы верований и культов обобщаются в понятия примитивных и развитых, языческих и монотеистических религий, причем любое из этих понятий имеет ряд подтипов (разного уровня), а те в свою очередь имеют подтипы.

мый закон. Как известно, система стремится к равновесию, но может порой его достигнуть только за счет перегруппировки функций и мобилизации сил для выполнения наиболее важных задач. Такая трансформация часто ведет к изменению системы функций в целом. Кроме того, при регрессе объекта, естественно, изменяются и функции, поскольку «разложение – это отказ от ряда присущих режиму функций»¹³. С другой стороны, некоторые общественные системы, подобно велосипеду, могут держаться (то есть существовать) только в движении¹⁴.

Остановимся на том, что следует в данном контексте понимать под термином **«функция»**. Разумеется, это не однозначное слово, хотя оно, как и «слово «структура», не обладает никаким магическим свойством»¹⁵. Здесь не будет смысла зависимости одного момента от другого (функция–аргумент). Часть содержания, если использовать философские словари, – внешнее проявление свойств некоего объекта в данной системе отношений¹⁶.

Но это, конечно, относится только к реальным функциям, потенциальные же, естественно, не проявляются, тем более внешне. Стоит также воспользоваться следующим уточнением: надо различать действия и результаты (последствия) этих действий. Например, в первом случае функция сердца – гнать кровь, во втором – поддерживать жизнь организма путем переноса кислорода и других веществ с помощью кровообращения¹⁷.

Основное же содержание термина здесь: определенные задачи, которые выполняют какие-либо объекты (институты, отношения и прочие), и при необходимости – результаты такой деятельности¹⁸. Но эти задачи-функции, конечно, имеют свою классификацию. Мы можем говорить о главных функциях, второстепенных и совсем незначительных, а также рудиментарных; о присущих (атрибутив-

¹³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 258.

¹⁴ «Идея, Шумпетера о том, что капитализму чуждо равновесие, что он существует лишь благодаря последовательным нарушениям равновесия, деструктивным и создающим, восходит к Марксу» (Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 328).

¹⁵ Там же. С. 321.

¹⁶ Философски речник. София, 1978. С. 640.

¹⁷ См.: А. Dictionary of Philosophy / Ed. T. Mautner. Oxford, UK–Cambridge, USA., 1998. P. 159.

¹⁸ Но смысл этого понятия связан также с контекстом. Чем шире и абстрактнее содержание анализируемого термина, тем абстрактнее выглядят и соотносимые с ним функции.

ных) объекту и случайных; о присущих постоянно и эпизодически; о сквозных для всего периода существования и временных; о всеобщих для данного института и свойственных лишь отдельным его видам и т. д.

Нас в данном исследовании более всего интересуют изменения функций и все, что с этим связано. Можно суммировать наиболее общие причины таких изменений.

1. В результате развития объекта от неразвитого к развитому и далее сверхразвитому (гипертрофированному) состоянию. Следует отметить, что по мере взросления какого-либо института и организации у них появляются и собственные, никем не закладываемые функции (самосохранения, укрепления власти, влияния и т. п.). Мы можем даже пытаться выяснить степень соответствия между задачами, которые ставит система в целом перед объектом, и его собственными интересами. 2. Увеличения или уменьшения размеров сверх предела. Понятно, что как религиозная секта, так и мировое религиозное течение существенно отличаются как по сумме функций, так и по их иерархии от национальной религии. 3. Под влиянием внутренних или внешних факторов, например социальной борьбы¹⁹. Особо отметим: 3а) в результате деградации объекта под воздействием внешних или внутренних причин. Распад государства ведет к примитивизации его аппарата, уменьшение населения – к изменению системы сбора налогов; прекращение государственной поддержки религии меняет функции контроля церкви над мирянами и т. п. 4. В результате изменения условий, породивших или оформивших ту или иную функцию. Например, отсутствие внешних нашествий ведет к уменьшению роли военной функции. 5. Противоположное – в результате появления новых вещей. Чем ближе к современности, тем большую роль среди причин изменения условий играет научно-технический прогресс. 6. Соперничество и подражание. 7. В результате попадания объекта в новую систему или создания принципиально новых условий, которые начинают перестраивать всю систему, например, когда новая задача

¹⁹ Таких примеров не счесть. Вспомним хотя бы один эпизод из истории Афин. До реформ Солона государство там служило интересам аристократии. После них начинается трансформация его для того, чтобы служить интересам в основном среднего гражданина, а не богатого в первую очередь. При этом многие органы государства формально сохранились, но стали другими, а прежде второстепенные функции стали основными.

должна выполняться старыми органами, что ведет порой к неизбежным переменам. В некоторых случаях налицо более или менее существенный разрыв между **объектом и какими-то его функциями**. Например, когда выполняется несвойственная данному органу функция или когда определенный институт, наилучшим образом справляющийся с данной функцией, убирается, и она «поручается» какому-то иному (как государство вместо рынка при социализме).

Очевидно, что характеристики функций очень тесно связаны с характеристиками самого объекта. По сути, степень и качество реализации функций, их соответствие ожиданиям, сравнение с аналогичными ситуациями в объектах того же класса и прочее есть важнейшая (порой основная) возможность анализа объектов. *Поэтому качественное его изменение (прогресс или регресс) должно вести к определенным изменениям и в его функциях.* Но подвижность функций может быть как связанной, так и не связанной с изменением **структуры** объекта. Монархия не меняется ни как институт, ни структурно, если вместо великого правителя приходит ничтожный. Просто в ней изначально заложена амплитуда различий, связанная с тем, какая личность будет править. Зато функции монархии (например ее групповая или классовая роль, способность защитить страну от врагов, поддерживать единство и т. п.) в описанном случае могут измениться. Армия может сократиться по численности в несколько раз (тем самым из агрессивной стать оборонительной), а структурно остаться прежней. И, напротив, структура может измениться очень сильно, а функции – не слишком. И очень часто всякого рода реформы проводятся именно для того, чтобы добиться лучшего исполнения уже возложенных на что-либо функций.

Можно сказать, что для каждого определенного объекта в определенный момент с учетом его резервов и потенциалов имеется определенный предел деятельности, своего рода «мощности», а сумма его функций составляет как бы определенную неизменную величину. Особенно это касается традиционных обществ, имеющих ограниченные ресурсы. Следовательно, перегруппировка функций ведет к усилению одних, но зато к ослаблению или отказу от других. Отсюда при изменении одной функции можно ожидать существенного изменения и во всех остальных. Значительное же и длительное превышение указанного предела, как это бывает в экстремаль-

ных ситуациях или при необычных правителях, способно вести к качественным изменениям объекта (иногда – к скачку в развитии, но часто – к деградации). В процессе таких поисков случается находить и новые неожиданные решения.

Итак, мы видели, что проявления закона зависят от величины рассматриваемого периода. Следовательно, и некоторые его формулировки можно связать с временными измерениями. *Чем длительнее существует нечто, тем существеннее меняются его функции.* Но это правило, естественно, не действует, если объект находится не в развитии, хотя бы медленном, а в застывшем состоянии²⁰. Ведь соотносимые временные интервалы в первобытном и современном обществах колоссально отличаются. Поэтому *чем выше темп исторических перемен, тем заметнее меняются функции.* А степень изменения функций прямо пропорциональна темпам и глубине изменений самого объекта, или стоящих перед ним задач, или окружающей его среды и обратно пропорциональна степени неподвижности его самого и окружающей его среды. Это правило касается не только появления более высокого качества, но и смены характеристик объекта, которые не несут прогресса. Например, чем чаще идут войны, тем важнее военная функция государства. Чем больше военной (или иной даровой) добычи притекает, тем менее почетен труд и т. п. Исследование таких частных зависимостей может быть весьма плодотворным и продуктивным для теории и социологии истории.

Для теории же исторического процесса важным будет такое утверждение: *чем больше формационных этапов проходит объект, тем сильнее меняются его функции и тем нагляднее проявляется закон подвижности (замены) функций.* Но, рассматривая любой длительно существующий объект, мы видим, что *не только в течение одной формации, но и в рамках крупных ее этапов и даже внутри последних и число функций, и их роль в общей системе различны.*

Данный закон с определенной стороны характеризует **категории общего и особенного в историческом процессе.**

²⁰ Добавим, что по аналогии с законом соответствия распределительных отношений производительным силам можно сказать, что полной неподвижности здесь, как правило, нет, а есть колебания вокруг некоего уровня. Эти колебания выражаются в том числе в лучшем или худшем исполнении данной (или основной) функции.

Например, на его основе можно сказать, что *число функций какого-либо института или явления, взятого в формационном (мировом) масштабе, всегда больше числа функций этого явления, взятого в конкретной обстановке*. Другими словами, число (сумма) разнообразных функций, присущих одноименным объектам одного класса (тем же религии, государству, искусству), существующим в разных обществах в рамках какой-либо формации, всегда больше числа функций, присущих одному из объектов этого класса в каком-либо определенном обществе определенной эпохи данной формации. Ведь в каждом обществе есть какие-то особенности, необычные, редкие, остаточные и т. п. функции, которые вместе создают весьма широкий спектр различий. Наконец, в общую сумму включаются также и функции рассматриваемого единичного объекта.

Но не только всякие, а даже и наиболее важные функции в полном своем наборе могут быть необязательны для конкретного объекта, либо они очень различно проявляются. Ведь в каждом явлении есть какая-то односторонность, и отсутствие одних институтов и функций объясняется тем, что они либо вовсе не требуются в данной обстановке, либо компенсируются другими, либо просто не появились, не развились, утратились по разным причинам²¹. Тем более это относится к формирующемуся институту, где новое прорывается лишь в определенных линиях, а не по всему фронту.

Это правило позволяет нам избегать ошибок, когда обобщенные характеристики какого-либо института пытаются найти непременно в каждом явлении. Следовательно, применительно к отдельному конкретному явлению определенных общества и эпохи можно говорить о **достаточности** функций (а также органов, институтов и пр.) для его характеристики как принадлежащему к данному классу (виду).

Итак, очевидно, что невозможно требовать полного набора даже главных функций как обязательного условия признания, что

²¹ Для иллюстрации можно обратиться к определениям государства Марксом и Вебером. В первом случае оно определялось как аппарат насилия, во втором – как организация, имеющая право на легитимность убийства (то есть особого рода насилия). И там, и тут, следовательно, подчеркивалось как основная функция насилия, но в разных его масштабах и аспектах. И то и другое определение правильно лишь для некоторых типов государств или для государств разных периодов, и ни одно нельзя рассматривать как всегда универсальное.

нечто относится к определенному классу объектов, а нужно ограничиться лишь **достаточным** их количеством. Но эта достаточность составляет камень преткновения и мучения для исследователей, особенно при анализе ранних, формирующихся объектов. В них ведь тем более невозможно надеяться увидеть полный набор функций, характерных для зрелых объектов. Например, находят отличие государства от догосударственных образований в том, что в нем институционализируется власть. И это в целом действительно так. Только для раннего, переходного государства такая институционализация идет не по всему фронту, а лишь в отдельных местах или даже в одном месте. Но такие перемены далеко не всегда бросаются в глаза и замечаются в массе еще господствующего старого²². Отсюда неправильно фиксируется момент перехода к новому. Поэтому мне кажется, что этот момент весьма часто легче определить не по появлению совершенно новых органов и институтов, а по трансформации функций в старых: выходе ранее менее важной на ведущее место или при переходе определенной функции к институту, ранее ею не обладавшему. Надо помнить и о законе Тейяра де Шардена об исчезновении первоначальных форм.

С другой стороны, в таких переходных объектах должны быть гибкость, большая податливость к меняющимся условиям и способность к развитию (в ретроспективе), что и наблюдается в ранних государствах в отличие от застывших структур их аналогов.

Здесь можно проследить связь с законом исторической ретроспективы. С одной стороны, некоторые в зрелом виде важнейшие функции в начальных этапах можно угадать лишь ретроспективно. С другой – некоторые особенности, которые «лежат без движения» или не востребованными, вдруг через столетия или тысячелетия обретают исключительную значимость, выходят на первый план. Об этом уже шла речь.

Итак, очевидно, что данный закон связан как с горизонтальной, так и с вертикальной линиями. В рамках горизонтали он показывает вариантность тех или иных институтов, подсистем, отношений и

²² В этом параграфе я привожу много примеров, связанных с государством, особенно его генезисом, потому что вопрос о происхождении государства – один из самых спорных и потому, что нам к нему еще придется вернуться. Но указанный подход снимает ряд теоретических трудностей и переводит проблематику в более плодотворный аспект поиска методик и критериев именно в области сравнения отдельных функций.

т. п. Но все-таки в формационном масштабе он более важен для прояснения вертикального развития. Например, разницы между обществами (регионами), одни из которых резко обогнали другие, или для анализа моментов появления и укрепления нового. Речь идет о новом, которое мы характеризовали в прошлом параграфе, то есть способном жить долго, а не исчезнуть тут же. Его возникновение имеет как бы две стороны. С одной – это ответ на проблемы, вызов, потребности какой-то конкретной ситуации. С другой – это результат длительного подготовительного развития, перерыв постепенности, перехода количества в качество. Следовательно, оно может не просто годиться для сиюминутного использования, но обладать большими потенциями к развитию и трансформации. Поэтому в ходе такого разворачивания (иногда по самой логике вещей) проявляются функции, которые как бы предполагались, определялись потенциальными законами этого нового качества.

Тут следует сделать небольшое отступление философского плана. Когда говорят об эволюции, возникает и вопрос об имманентности, то есть было ли все последующее заложено заранее или нет. Но такая постановка проблемы ведет в тупик: ибо и отрицать потенции невозможно, а иначе откуда берется новое, но и утверждать, что в атоме заложено современное человеческое общество, немислимо. Мне думается, что правильнее будет сказать так: в рамках какого-либо качества всегда имеются определенные потенции. Однако потолок их ограничен, то есть, доходя до какого-то предела, они исчерпываются. Но вместе с этим возникает возможность прорыва к новому уровню, в котором формируется уже свой потолок потенций.

Следовательно, нужно говорить о нескольких уровнях потенций. Среди них выделим три **базовых**²³: а) потенции в рамках перехода незрелого к зрелому (назовем это «новое 1»). Здесь постепенно черты явления начинают обозначаться достаточно четко, поскольку **чем более зрелым оно становится, тем яснее проявляются его именно специфические качества**; б) потенции в рам-

²³ Но вообще-то уровней больше, число их не ограничено. И чем больше мы стараемся выявить таких уровней в процессе эволюции объекта к новому качеству, тем сложнее понять, где же именно начинается момент перехода. Это напоминает блестящий пример сближения противоположностей Николая Кузанского о том, как бесконечный многоугольник переходит в окружность.

ках определенной амплитуды реализации уже имеющегося зрелого качества, но полностью еще не обнаружившего всех своих вариантов («новое 2»). Развитие идет в направлении обретения зрелых форм во все большем количестве объектов и переходе в ряде случаев зрелого в очень зрелое. Поскольку специфика явления окончательно выявилась, все яснее обозначаются не только его вариации, но и противоречия, которые и поведут дальнейший процесс развития; в) потенции, рождения нового качества (следующего уже уровня и поколения – «новое 3»), которое может появиться в будущем при реализации потенциалов нового 1 и 2 и складывания особых условий²⁴. При этом намечается ряд линий реализации этих потенциалов. Правда, только некоторые ведут в конечном счёте к появлению нового качества 3, остальные к тупику или остановке развития. Но без них, естественно, нет нужной среды и условий для появления всего спектра вариантов, без чего нет и перехода к новой ступени.

Таким образом, будущее качество (новое 3) как бы и не имеется в потенции до тех пор, пока не станет реальностью и не проявится предыдущее качество (новое 2), а то, в свою очередь, не появится без нового 1. После появления нового 2 формируются в потенции и элементы нового 3, и этот процесс по мере развития вариантности нового 2 осуществляется все полнее. А затем постепенно в некоторых частностях происходит уже перерастание потенциалов в реальность. Процесс формирования новых потенциалов можно, конечно, представить не только ступенчатым, но и непрерывным.

Из вышеприведенного рассуждения ясно, что *функции какого-либо явления (института, отношения) в незрелом и зрелом видах существенно различаются. И по мере того как новое явление близится к зрелости, оно проявляет новые качества и функции, дотоле бывшие потенциальными.* При этом, с одной стороны, передача или закрепление новых функций нередко осуществляется по аналогии, традиции, привычке, согласно идеологическим установкам, праву сильного (таковы государство, право, церковь, собственность и т. п.). Но, с другой, говоря словами Г. Маркузе, требуются уже

²⁴ Допустим, новое качество 1 – вождество, новое 2 – крупное вождество, новое 3 – государство. Или: 1 – развитое ремесло, 2 – высокоспециализированное ремесло, 3 – мануфактура; 1 – мифология устная, 2 – мифология письменная, 3 – религиозная философия и т. п.

новые способы реализации, отвечающие возросшим возможностям²⁵.

Значит, для анализа закона удобно выделять фазы незрелого и зрелого состояния объекта. Но для определенных систем можно говорить и о большем числе фаз. Выделим следующие фазы: **переходная, обретения специфических форм, зрелости, сверхзрелости**. Для явлений разной деятельности, особенно таких, которые развиваются в течение более чем одной формации, характеристика цикла, естественно, имеет большие особенности.

Во всех фазах изменение функций может быть связано с переменами во внешней среде и другими причинами, о которых шла речь выше. Но в каждой фазе есть и специфические для нее источники такой подвижности. Для первой характерна податливость объектов к изменениям, вытекающая из их незрелости и столкновения нового и старого. Для второй – различные симбиозы, комбинации нового и старого. Не стоит также забывать о постоянном процессе дифференциации и специализации органов и соответственно функций, а также о параллельности и дублировании исполнения функций разными системами. В третьей образуется ряд вариантов, каждый из которых обладает большими особенностями. В последней возникает гипертрофия старых форм и уже обозначаются отдельные моменты того, что выше названо новым 3.

Большинство институтов (особенно на первых стадиях развития человечества) характерны лишь для определенных этапов формации (реже всей формации), а также лишь для отдельных обществ (а часто даже для отдельных эпох, эпизодов, территорий внутри них). При этом чем обособленнее, своеобразнее общество или их группа, тем они многочисленнее²⁶. Разумеется, определенные параллели между такими замкнутыми системами для ряда задач можно проводить, но с осторожностью, чтобы, говоря словами одного историка, не придать онтологический статус абстрактным аналитическим категориям²⁷. Ведь чтобы сравнить неповторимые и имею-

²⁵ Marcuse H. One-Dimensional Man // Continental Philosophy. An Antology. Ed. W. McNeill. K. S. Feldman. Maiden, USA. Oxford. UK. P. 280.

²⁶ Вспомните, сколько таких породил социализм: чрезвычайки, продотряды, парткомы, месткомы и т. п.

²⁷ Седов Л. А. О типологизации средневековых общественных систем Востока (попытка системного подхода)// Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 87.

щие разное название (на разных языках) исторические явления, нужны какие-то обобщения. А чтобы они были продуктивными, необходимо разработать четкие методики и правила определения сходств и различий между входящими в них объектами²⁸. И данный закон как раз является одним из таких средств.

Итак, можно сказать, что чем *специализированней институт, чем сильнее он связан со строго определенной системой, тем меньше вероятности, что он переживет ее (или определенную эпоху)*. И, напротив, чем *легче институт заимствуется, тем больше шансов, что он переживет эпоху. Так появляется возможность изменения или перегруппировки функций*.

Но есть и вещи, которые не только перерастают свою эпоху, но и являются настолько удачными, что переходят из формации в формацию. Среди наиболее древнейших: институты родства, брака, личной собственности, искусство, религия и другие. Они и не собираются исчезать, хотя, разумеется, метаморфоз претерпели множество, и функции их существенно поменялись. Однако все же часть этих институтов (брак, родство, вероятно, и язык) покоятся в значительной мере на биологических, то есть менее подвижных основах. Поскольку социальные более подвижны, постольку большинство сквозных объектов связано со второй формацией, в которой они либо появляются, либо достигают зрелости (как религия).

Появление или достижение зрелости некоторых институтов было настолько важным, что отмечается как рубеж человеческой истории. Таковы для второй формации государство (и такие его институты, как писаное право), развитая религия (в которой кодифицирована общечеловеческая мораль), наука, философия и другие; для третьей – индустриальная экономика, частная собственность, демократия и другие²⁹. Полагаю, что и современная эпоха

²⁸ Например, мы можем объединить индийские касты и китайские ранги как формы неэкономического (неклассового) деления населения. Но это весьма различные общественные явления и по типу, и по функциям. Достаточно сказать, что в первом случае их определяли обычай и религия, во втором – государство. Неучет подобных вещей ведет к тому, против чего всегда выступают историки, – игнорированию исторической специфики или попыткам характеристику явления в одну пору перенести на все эпохи. Но, с другой стороны, и чрезмерный упор только на своеобразие явлений опасен.

²⁹ Относительно частной собственности, демократии и некоторых других вещей имеется в виду не момент их первого появления (он теряется в глубине времен), а эпоха, когда они

даст немало объектов, которые сохранятся в будущем, в частности социальное страхование и гарантии.

Рассмотрим, почему сохраняются многие институты. И тут следует связать исследуемый закон с законом формационного перехода.

Во-первых, можно говорить об использовании старых форм (в принципе даже **о законе использования старых форм**). Ведь переход с этапа на этап и даже с формации на формацию не есть полный отказ от старого. Собственно, это просто невозможно. Мало того, в начале новой формации некоторые старые институты не только не уходят, но даже испытывают как бы расцвет за счет того, что в эти переходные периоды по привычке и аналогии новые функции естественно переходят к ним. Но в дальнейшем оказывается, что для подобных объектов существуют ограничения и потолок развития. Таковы, например, разнообразные родовые институты, приобретшие в период примитивного сельского хозяйства огромное значение и всеобщность. Но они оказались неспособными к дальнейшей эволюции и заменялись территориальными.

Поэтому развитие какого-либо явления и его использование в новых формационных этапах выше, чем позволяет его норма, может способствовать появлению новых функций (изменению их иерархии). Но нередко ведет к гипертрофии некоторых из них или всей системы в целом. И тогда в будущем приспособленные к новым задачам старые институты могут сделать общества заложниками этого приспособления. Мне кажется, достаточно яркий пример – гипертрофия некоторых государственных органов и функций средневекового Китая, взявшего на себя, по сути, задачи государства уже следующей формации.

Итак, переход на более высокий уровень идет разными путями. Часто новые задачи разрешают, используя уже готовые формы, явления, институты³⁰. Иногда вне их использования вообще невозможно справиться с новой проблемой. Нередко с их помощью удастся гораздо быстрее (и часто без конфликтов) отыскивать нужные решения, меньше деформировать общество. Но в иных ситуациях

доказали свои преимущества и стали объектами заимствования, то есть новое время.

³⁰ Порой даже возвращаясь к, казалось бы, забытым старым. В этом случае нередко по-лезен и закон отрицания отрицания.

только слом старого и рождение нового способны открыть путь к развитию. Хотя и здесь могут быть тупики (социализм). И так, в некоторых случаях преимущество за теми обществами, которые сумели приспособить старые институты к новым задачам. В других – за теми, кто нашел оригинальные решения. Поэтому мы можем сказать, что эволюция расточительна, с одной стороны, а с другой – экономна. И такая избирательность способствует как сохранению того, что доказало свои преимущества и жизнеспособность, так и уничтожению отжившего и появлению на его месте нового.

Во-вторых, в каждом институте в любой определенный момент (период, ситуации) имеется ряд функций, сильно неравных по своей значимости. Одни из них исключительно важны, другие – достаточно важны, третьи – второстепенны, некоторые только в потенции. Но именно это и создает основу для подвижности функций, а также позволяет использовать старое для решения новых задач, в том числе за счет того, что уже готовое, но не играющее важной роли начинает выходить на первый план. Легко привести примеры. Вспомним недавнюю российскую историю. В условиях тоталитарного режима демократические функции были лишь формальностью (идеологическим прикрытием). Но они все же были, имелись также квазидемократические институты, процедуры и определенные (хотя и нечеткие) представления о демократии. И при поиске альтернативы господству КПСС сразу же вспомнили о советах.

Таких примеров множество в самых разных областях. Допустим, налоги. Выполняли ли они до современного периода роль регулятора производства? Несомненно, но это была второстепенная (за исключением отдельных периодов отдельных стран) или эпизодическая их роль. В новое время налоги, регулирующие внешнюю торговлю, в рамках концепций протекционизма яснее связываются с такой ролью. Но только с 40-х годов XX века налоги начинают приобретать постоянную функцию регулирования роста производства, которая и становится одной из важнейших их задач. С другой стороны, если прежде налоги чаще служили для того, чтобы перераспределять блага от бедных к богатым (или от незнатных, в том числе и богатых, к знатным), то теперь чаще наоборот.

В-третьих, некоторые институты и объекты достигают зрелости не в той формации, в которой возникли, а только в последующих, поскольку ритм их жизни не совпадает с формационным.

В-четвертых, есть очень гибкие объекты, по природе своей слишком специализированные и потому многофункциональные. В результате им легче реагировать на различные изменения за счет перегруппировки сил, перекомбинации целей и задач. И эта их способность к подвижности функций оказывается исключительно важной. **Таким образом, чем выше приспособляемость институтов, тем ярче проявляется закон.**

В-пятых, некоторые решения, найденные для одних случаев, неожиданно становятся универсальными или исключительно удобными для совсем иных проблем, а иногда исходным пунктом для качественного рывка (например парламент Англии, собираемый первоначально для решения вопросов о налогах, становится постоянным органом власти и законодательства сначала в этой стране, а потом и во многих других).

Все сказанное очень важно учитывать, поскольку, когда какие-то институты и отношения служат, переходя от этапа к этапу, от формации к формации, возникает представление, что данные универсальные вещи и сегодня, и в прошлом – суть теоретически одно и то же³¹. Но это допущение правомерно только в рамках социологии истории. Если же нам надо показать исторический процесс и формационные отличия, эволюцию какого-либо явления, причины различий в развитии (не говоря уже о демонстрации исторического разнообразия), то мы должны ясно увидеть, чем такие институты качественно отличаются друг от друга, как изменились их функции. Особенно для таких глобальных категорий, как государство, частная собственность и т. д. Иначе неизбежны подмена и модернизация истории. И для того чтобы избежать подобных ошибок, исследуемый закон очень важен. Ведь если полагать, что сходные по названию институты обязательно обладают и сходными функциями, неизбежны модернизация истории, подмена сущностей, бесконечные и бесплодные споры вокруг многих в принципе решаемых проблем (как мы видели на примере этноса, нации и других).

³¹ Причем переносится и их оценка. Если они сейчас благо (зло), то, значит, таковыми были и раньше. А это совсем не приемлемо.

Ниже мы и рассмотрим обстоятельно, как с помощью нашего закона более точно и правильно объяснять принципиально важные и узловые моменты теории истории.

Применение закона подвижности (замены) функций к анализу особенностей института частной собственности

Существование и важная роль частной собственности в Европе в конце средних веков и начале нового времени (XIV–XVI вв.)³² нередко и не без основания выдвигается как главное ее отличие от Азии и соответственно как главная причина различий в развитии Запада и Востока. **Но такое объяснение правильно только в первом грубом приближении.** И удовлетворившись лишь им, ряд исследователей в конечном счете оказался в тупике, не в состоянии объяснить многих взаимосвязанных проблем³³.

Безусловно, одним фактором проблему различия между Азией и Европой не объяснить. И у нас еще будет время поговорить обо всем комплексе отличий³⁴. Но если брать отдельно институт частной собственности как, без всякого сомнения, очень важное преимущество западного мира, то просто указанным тезисом о ее наличии не обойтись, поскольку развитая частная собственность возникла задолго до рассматриваемого времени и не была свойственна исключительно европейским обществам. Необходимо попытаться раскрыть и показать изменения в самом характере частной собственности в Европе на пороге нового времени. **Другими словами, дело не просто в наличии – отсутствии частной собственности в указанный период, а в чем-то ином.**

Чтобы лучше доказать это, хотел бы обратиться к интересным взглядам Л. С. Васильева, который придает частной собственности

³² Я придерживаюсь традиционного для немарксистской историографии взгляда на дату начала новой истории: конец XV – начало XVI в. И везде, где говорится о новом времени, подразумевается именно такая хронология.

³³ Для того чтобы аргумент о частной собственности звучал убедительно, некоторые даже начинают верить, будто на Востоке якобы вообще не было частной собственности, что совершенно неверно. Другие вообще впадают в мистику, объявляя такие различия заложенными едва не изначально.

³⁴ См. также: Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. Изд. 2-е. Волгоград. 1998. С. 292–297.

при сравнении Запада и Востока особое значение³⁵. Много раз проводя такие параллели, он приходит к выводу, что появление греческого демократического полиса (в первую очередь Афин) во всей совокупности его особенностей было своего рода исторической мутацией, которая и предопределила все дальнейшие различия между Западом и Востоком. Среди этих особенностей важнейшее место занимает частная собственность, которая, по его мнению, в Афинах впервые стала поддерживаться государством, что привело к ее укреплению и более четкому правовому оформлению. Поскольку Рим многое унаследовал от греков, то там развитие частной собственности пошло дальше, приняло юридически развитую форму³⁶ и после появления христианства создало для Европы тот базис, который и дал ей возможность стать лидером.

Хотя цитируемый автор и подчеркивает особенности греческих городов-государств именно в комплексе, но все-таки частной собственности он фактически и уделяет главное внимание. Впрочем, я думаю, что в плане поиска ответа на поставленный выше вопрос такое предпочтение вполне оправданно. Ведь – добавлю от себя – если посмотреть, что прежде всего заимствовала Западная Европа от античности (не беря во внимание культурную традицию), то, кроме христианства, которого в Элладе не было и которое наполовину, если не на три четверти восточного происхождения, главное – это именно частная собственность в определенных юридических формах и само частное право. Следовательно, в такой ретроспективе вполне правомерно вести речь о противопоставлении обществ, имеющих ее или нет.

Но тут и таится противоречие. Почему же наличие частной собственности не спасло Грецию и Рим от упадка? Васильев, конечно,

³⁵ См., в частности, его работы: История Востока: В 2-х т. М., 1993; Генеральные очертания исторического процесса// Философия и общество. 1997. № 2. Разумеется, критика отдельных моментов его концепции несколько не умаляет достоинств работ в целом. Его идеи для решения поставленной выше задачи я избрал прежде всего потому, что мне представлялось наиболее удобным отталкиваться от этих во многом верных, но недостаточно развитых и потому частично искаженных положений.

³⁶ «Кодификация правовых норм с последующей детальной разработкой частного права была решающим вкладом римлян в развитие античной республиканской демократии, стоявшей на страже интересов граждан-собственников со всеми их сословными, имущественными и иными различиями» (Васильев Л. С. Генеральные очертания исторического процесса. С. 114).

дает свои ответы, но они не увязаны в единую концепцию и не объясняют достаточно, почему тот же самый фактор в одних случаях оказывается решающим для прогресса, а в других не спасает от кризиса и гибели. Из этого можно предположить, что хотя для античности и для периода, близкого к новому времени, мы и говорим о вроде бы одном и том же институте, но фактически одноименный институт имел очень важные различия. Значит, *частная собственность на пороге нового времени в Европе обладала уже некоторыми новыми чертами и функциями, а ее характер изменился*. Попробуем это доказать.

В рассуждениях Васильева много верного, и с идеей мутации в Греции вполне можно согласиться. Вопрос только о степени значимости такой мутации. Ибо преувеличение ее роли искажает проблему, а взгляд на исторический процесс, как бывший до этого момента в принципе единым, а затем разделившийся на два противоположных направления³⁷, неверен. Качественный скачок не означает, что исторический процесс до него идет единым путем. И он никак не был «в принципе единым» до VI в. до н. э., так же как и после расцвета Греции, как не шел единым путем и позже, как не идет и сейчас, хотя сегодня он ближе к такому состоянию.

Можно говорить, следовательно, что в связи с тем, что произошел синтез заимствований и внутренних процессов и развитие поднялось на более высокий качественный уровень, *одна из ряда линий исторического процесса сделала определенный поворот и в ретроспективе стала более четкой и обособленной*. Действительно, ей

³⁷ «Итак, начиная с VI в. до н. э. исторический процесс, шедший до того, при всех конкретных его вариантах, со всевозможными опережениями и отставаниями, отходами в сторону и реверсиями, в принципе единым общим путем, раздвоился. Произошло нечто подобное выделению в ходе эволюции гоминид вида *Homo sapiens*, а также отодвинувшей в сторону всех собирателей и охотников неолитической революции или возникновению в зонах урбанистической цивилизации первичных протогосударственных образований. Иными словами, произошел качественный скачок принципиального характера, изменивший ход истории» (Васильев Л. С. ук. соч. С. 99. Выделено мной. – Л. Г.).

Не отрицая качественного рывка, связанного с началом античности, я не могу сопоставить его с теми рывками, о которых говорит Васильев. Не беря уже вопрос о происхождении человека разумного, и аграрная революция, и рождение первых государств – скачки, так сказать, формационного масштаба, появление же греческой демократии мелких собственников – внутриформационного и локализованного в рамках одного из вариантов формации. Именно поэтому такой рывок и не стал основой для перехода к новой формации, а вот рывок Европы в XIV – XVI вв. н. э. (связанный в том числе с изменением характера частной собственности) стал.

суждено было во многом повлиять на генеральную линию развития человечества в будущем. Но начало этой линии никак не относится к VI в. до н. э.³⁸, а прослеживается на много веков ранее: через историю городов малоазийского побережья, эпоху дорийского вторжения до начала критомикенской культуры. Указанные Васильевым события VI в. до н. э. представляются, таким образом, одним из ряда узловых моментов этой линии.

В свете сказанного слишком резким также выглядит противопоставление Греции и всего остального мира как имеющей развитую частную собственность, защищаемую государством, и не имеющей таковой. На этом пункте следует остановиться.

Во-первых, рассмотрим мысль, что в постсолонической Греции господствовали «свободный рынок и никем не ограниченная, даже, напротив, защищенная законом и огражденная частоколом прав и привилегий частная собственность граждан»³⁹. Хотя автор и подчеркивает здесь независимость в первую очередь от чиновника, все же положение о никем не ограниченном праве частной собственности нуждается в существенном уточнении. Отметим хотя бы такой момент. Расцвет Афин происходит именно после **ограничения частной собственности**. Ведь реформы Солона не только коснулись законов о наследовании, но весьма сильно сузили права заимодавцев и рабовладельцев, ибо они запретили за долги обращать в рабство граждан. Следовательно, закон не только защищал собственников, но и существенно уменьшил их свободу, значит, точнее говорить об упорядочении отношений собственности в результате реформ Солона.

Тут следует сказать, что никем и ничем не ограниченная частная собственность не может быть постоянной движущей силой, которая поведет общество к прогрессу, напротив, она способна даже разорвать общество или сделать его жертвой паразитического капитала, что и происходило при господстве откупов, ростовщичества, спекуляции, латифундий и т. д. Вспомним пример Южных штатов в США. Ведь там частная собственность была менее огра-

³⁸ Сам Васильев оговаривается насчет того, что причины рассматриваемой им мутации теряются в глубине веков. Но значит и исторический процесс невозможно рассматривать по схеме: единый до определенного момента, а потом разделившийся. Либо это правомерно только для строго оговоренных задач и поставленных для них рамок, чего сделано не было.

³⁹ Васильев Л. С. ук. соч. С. 96.

ничена, чем в Северных, а результат оказался плохим. Следовательно, вполне справедлива мысль Ф. Энгельса, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности⁴⁰. Поэтому тот факт, что в Афинах частную собственность ввели в рамки, был очень важным для их развития.

Но и тирания закона может быть весьма обременительной и ограничительной для частной собственности. Особенно когда он постоянно меняется в угоду политическим интересам. А такая ситуация нередко возникала и в гражданских общинах, где первенствовали политика и право гражданства, а демократия порой перерастала в охлократию. Мало того, и в Афинах (в IV – III веках до н. э.), и в Риме в позднюю эпоху, и в Византии периодами отношение к частным собственникам существенно менялось. Состоятельные люди чувствовали себя неуютно. Так, после Пелопонесской войны в Афинах воцарился порядок, при котором богатых граждан постоянно облагали поборами в пользу бедных и не защищали от завистников, поэтому они всегда опасались доносов сикофантов. Это было одной из главных причин упадка Афин и афинской демократии.

Во-вторых, разберем вопрос, действительно ли роль частной собственности в Афинах и Греции была столь уникальной и особой, что ничего подобного в древнем мире нигде не наблюдалось. Если так, то идея о раздвоении исторического процесса становится более обоснованной. Если нет, то оценку указанной мутации необходимо пересмотреть.

Бесспорно, в крупных азиатских деспотиях частная собственность не играла важной роли, хотя и существовала (нередко и на землю) там почти все время. Гораздо большее значение она имела в Междуречье и Малой Азии, где, кстати, впервые в мире появились золотые монеты и откуда их греки и заимствовали. Но и для этих обществ противопоставление Греции и Востока в указанном плане достаточно обоснованно. Иное дело – небольшие торговые государства (чаще города-государства), которые появились задолго до Афин (в той же Финикии). И если вдуматься в факт, что многие из

⁴⁰ И это лишний раз подчеркивает высокую степень приспособляемости данного института.

них непрерывно существовали в течение ряда столетий, то легко понять, что институт частной собственности, пусть и не столь зрелый, как в Афинах, никак не мог не играть в них важной роли (а в иных случаях был важнейшим). Ведь без достаточно развитой, уважаемой и защищаемой властью частной собственности нельзя ни торговать, ни накапливать имущество, ни передавать его из поколения в поколение, ни заниматься ссудными или финансовыми операциями.

Следовательно, если речь идет об афинско-греческой модели, включающей в себя полисную демократию, частную собственность, развитое рабство, особую роль искусства и философии, то ни в полном, ни даже в усеченном виде она практически не заимствовалась ни в то время, ни потом, не считая сферы прямого влияния самих греческих городов. Но раз она не стала примером для подражания, значит, такая историческая мутация никак не может считаться началом раздвоения исторического процесса. А если речь идет о мутации в виде появления развитой частной собственности, то ее нельзя считать совершенно уникальной, поскольку она, в том числе поддерживаемая государством, не была единственным случаем в Афинах, а появлялась и ранее, и позже них.

Например, я не вижу принципиальной разницы между «западными» Афинами и «восточным» Карфагеном в плане развития частной собственности⁴¹. Достаточно вспомнить знаменитый трактат Магона о сельском хозяйстве. И даже в политическом устройстве, роли гражданской общины Карфаген имел много сходства с греческими государствами (тем более аристократическими) и особенно с Римской республикой.

Впрочем, можно предоставить слово специалисту. «Карфаген представлял собой гражданскую общину, не подчиняющуюся ка-

⁴¹ Можно, правда, настаивать, что в Афинах государство больше внимания уделяло мелкой собственности, чем в Карфагене, где господствовала крупная. Но я не думаю, что в нашем аспекте это принципиально. Аналогичная карфагенской была ведь и ситуация в поздней Римской республике. Кроме того, настоящее развитие частной собственности не может не вести к формированию крупных состояний. Следует также учесть, что Афинское государство поддерживало в первую очередь не собственников, а граждан, поэтому в отдельные периоды большую роль начинали играть люди, вообще лишенные значительного имущества. В конце концов политическое преобладание мелких собственников и несобственников в Афинах в большей мере вело как раз к ограничению права собственности, о чем уже было сказано.

кой-либо верховной власти вне ее самой. Рядом с общинным сектором экономики не отмечено никакого другого сектора. Граждане владели землями на территории хоры именно как граждане Карфагена». «Можно поэтому говорить, что в Карфагене существовала только собственность гражданской общины, выступавшей в двух ипостасях: как собственность всей общины-государства и как собственность отдельных граждан – мастерские, земли, торговые лавки, торговые корабли. Карфагенская экономика предстает перед нами принципиально одно-укладной». «Основной эксплуатируемой силой были захваченные на войне или купленные рабы, а также зависимые ливийцы. Нет сведений об эксплуатации сограждан...» «В принципе верховной властью обладал народ Карфагена, который осуществлял ее через народное собрание, и официально любой гражданин мог быть избран в советы или магистратом, если он обладал достоинством и, главное, богатством. Граждан могли привлекать к военной службе. Политическим строем Карфагена, за исключением краткого начального периода, была республика». «Итак, можно говорить о том, что Карфаген представлял собой полис, т. е. форму социально-экономической и политической организации рабовладельческого общества, которая и определила античный путь его развития. Это, впрочем, чувствовал уже Аристотель, который выделил Карфаген из общей массы «варварских» государств и использовал примеры из его государственного устройства, а иногда и истории наряду с примерами из жизни греческих полисов в теоретическом сочинении о полисе – «Политике»⁴².

Весьма интересны в указанном плане и частнособственнические отношения в Этрурии, на которых, однако, мы останавливаться не будем. Напомню только, что из этой торговой области Рим многое заимствовал. Кое-что в плане развития рыночного хозяйства было, возможно, взято из Карфагена. И, наконец, ведь если бы социально-политический строй Древнего Рима был коренным образом отличен от греческого, если бы в нем не имелось собственное зерно частной собственности, то разве смог бы он заимствовать столь важные вещи от греков и других народов? Следовательно, и в Риме должна была произойти первоначально своя мутация. *Таким образом, частная собственность в Афинах, бесспорно, имела*

⁴² Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987. С. 105. 96. 105, 106.

большие отличия от частной собственности многих восточных стран, но такая ее роль не была совершенно уникальной, а наблюдалась с известными вариациями и в некоторых иных обществах.

Но раз подобное направление развития являлось хотя и достаточно редким, но не уникальным, значит, правильным будет такой вывод. При переходе обществ второй (аграрно-ремесленной) формации к зрелости возникает ряд моделей распределительных отношений. Среди них имеется хотя и второстепенная по значимости, но отнюдь не уникальная модель с большой ролью частной собственности и достаточной степенью ее развития.

Значит, хотя действительно наиболее развитой частная собственность была в Греции и Риме, однако в рассматриваемом сейчас аспекте качественный разрыв между ними, с одной стороны, и некоторыми торговыми обществами античной и предшествующих эпох – с другой, не был слишком велик. Иначе, если такой разнице придавать чрезмерное значение, концы с концами в теории не связываются.

Если частная собственность обладала столь чудодейственными свойствами, то совершенно непонятно, почему общества, где она была наиболее развита, пришли к глубокому и системному кризису? И даже если она обладает такими свойствами только в сочетании с христианством, непонятно, ни почему Европе потребовалось столько времени для рывка, ни почему главный наследник Рима в праве и религии – Византия не смогла реализовать эти преимущества. А дело в том, что *античная частная собственность по характеру и функциям сильно отличалась от западноевропейской на пороге нового времени.*

Без сомнения, в обществах второй (аграрно-ремесленной) формации при появлении развитой частной собственности многое обстояло по-иному, чем у соседей. Могла раскрепоститься личность, на этой базе мог начаться взлет культуры, появиться некоторые элементы капитализма (особенно в денежном обращении). **Но все это – такие изменения, которые не влекут смены формации,** что и доказывает история Афин, Карфагена, Рима, Византии, средневековых торговых государств Европы и Азии.

Следовательно, появление развитой собственности и защита ее государством в античности не объясняют достаточно ни

причин рывка Европы к третьей (индустриальной) формации, ни почему в это время характер частной собственности изменился так, что (в совокупности с рядом других факторов) это усилило процессы развития капитализма, промышленности, машинной техники и, наконец, способствовало промышленному перевороту XVIII века. Еще раз подчеркну – это ясно вытекает из закона создания особых условий в местах качественных изменений – речь, конечно, должна идти о комплексе уникальных причин, в котором свое важное место занимают и достижения античности. Но и в отношении частной собственности необходимы существенные уточнения.

Во-первых, само по себе ее наличие еще не гарантирует от застоя, паразитизма, регресса. Сам Васильев хорошо описывает, как в условиях ослабления центральной власти на Востоке частная собственность начинала развиваться за счет государственной и к каким губительным последствиям это приводило. Но подобные явления были характерны и для Запада, и для России. И отрицательные черты этого института делают вполне понятным, почему очень многие мыслители древности и средневековья, также некоторые религии были противниками частной собственности или богатства. И, кстати сказать, разочарование в наших сегодняшних реформах во многом связано как раз с непониманием, что частная собственность – благо и двигатель развития не сама по себе, не всегда и в любом случае, а лишь в определенных условиях, ряда из которых в России пока нет.

Во-вторых, до перехода к капитализму у частной собственности имелись следующие основные функции: 1) аккумуляция богатства и передача имущества по наследству и из рук в руки; 2) торговая (или торгово-посредническая, когда были развиты кредит, обмен денег и прочее); 3) быть одним из механизмов эксплуатации; 4) регулирование хозяйственной жизни (если крестьяне были мелкими собственниками) и распределения через рынок.

В-третьих, производительная функция всегда присуща частной собственности, поскольку, если в обществе есть собственники-производители, она так или иначе воздействует на их деятельность. Но в доиндустриальную эпоху эта функция все же не была в числе главных, а как бы пополняла функцию регулирования хозяйствен-

ной жизни. Ведь в отличие от индустриального периода она не побуждала собственников постоянно совершенствовать и расширять производство.

И уж тем более она не могла стать основой для того, чтобы производительные силы начали формационный рынок. Почему? Мелкая собственность, где эта функция была наиболее обозначена, не имела возможности ни для аккумуляции капиталов, ни для того, чтобы сделать расширенное воспроизводство неперенной чертой своего существования. Крупная же собственность, которая только и могла стать источником средств для такой модернизации, предпочитала паразитические или торговые операции, приносящие наибольшую прибыль. А огромные частные земельные владения (вроде римских латифундий) отличались плохой организацией и низкой производительностью труда. Поэтому можно сказать, что, как правило, *чем крупнее была собственность, тем слабее она оказывалась связанной либо вообще с производством, либо с развитием производительности труда и ростом объемов производимого.*

Крупная собственность нередко и вовсе становилась паразитом, например в ростовщичестве, или беря на откуп налоги, или приобретая права на монопольную деятельность, или присасываясь к знати, или давая займы монархам – словом, сотрудничая с ведущими силами в деле внеэкономического отчуждения. Даже во вполне европейской Франции XVI–XVIII веков неравноправность буржуазии и богатства государства приводили к паразитическому характеру частной собственности, которая в огромной своей части шла на займы государству и откупа. И все это не удивительно. Ведь капитал устремляется прежде всего туда, где прибыль наибольшая, а условия наилучшие.

Для подтверждения мысли о коренном отличии частной собственности в античности и в новое время обратимся к авторитету Макса Вебера. В работе «Аграрная история древнего мира» он пишет: «Среди способов эксплуатации капитала отступает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему зна-

чению совершенно отступил на задний план: государственный откуп...»

«Так было в древности в Риме времен республики. Поэтому тут и образовался, несомненно, первоначально главным образом из государственных откупщиков могущественный класс частных капиталистов, которые во время 2-й Пунической войны – момент достаточно характерный – наподобие современных банков своими деньгами поддерживали государство, но зато уже во время войны могли предписывать ему свою политику, которым для удовлетворения их жадности к наживе такой реформатор, как Гракх, принужден был предоставлять целые провинции и ссуды, чтобы расположить их в пользу своего дела, которых борьба с должностной аристократией, которую они как денежные люди в экономическом отношении имели «в кармане», наполняют собою последнее столетие республики»⁴³.

Нам известны, конечно, в древней и средневековой истории различные случаи направления капиталов в производство. Например, крупные ремесленные предприятия были в Афинах, других греческих городах, Риме. Но они не играли решающей роли в промышленности. Фактически подобная деятельность крупных капиталов была скорее исключением, а периоды такой производственной направленности оказывались не слишком длительными. И только в позднее средневековье и новое время намечается переток капиталов из торговли и других сфер в промышленность сначала для контроля над производителем, потом как организатора и диспетчера производства, а затем уже и все больше создателя новых предприятий.

В-четвертых, в древнем и средневековом мире существовало много торговых государств, где частная собственность в ее товарно-денежной форме, наиболее близкой капиталистической, была высокоразвита. Но обычно это была баснословно прибыльная, уникальная, монопольная торговля, за которую неизбежно разгорались борьба и войны с конкурентами. И тогда раньше или позже политические и военные проблемы оттесняли экономические. А бывало, что огромный приток средств приводил к паразитизму и

⁴³ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 18–19, 33. Вебер также приводит аналогичные примеры из эллинистического мира, особенно Египта.

приостановке развития. *Но главное – такая экономика держится на совершенно особых геоисторических условиях и потому неповторима в других местах. Исчезают эти условия – сокращается и мощь торгового государства, и то и вовсе меняется характер хозяйства.*

В-пятых, частная собственность, особенно в товарно-денежной форме, всегда обладает рядом важнейших черт и свойств: стремлением к инициативе, расширению, поиску наиболее прибыльных вложений. Но в условиях, когда существуют сильное государство, поддерживающее традиционный строй, либо всевластие феодалов, либо рабовладение, когда нет потребности расширять производство, экономить труд либо отсутствуют условия для этого, когда политика не отделена от экономики, имущественные отношения – от права гражданства, частная собственность, хотя порой и может иметь важное значение в жизни данного общества, но выйти за отпущенные ей пределы, создать рычаг для перехода к новой формации, аналогично тому, что стало намечаться в Европе с XIII в., не в состоянии. Следовательно, в рамках второй формации она в целом играла подчиненную и ограниченную роль.

И все же именно в местах наибольшего ее развития, исключительного богатства и при создании особых условий в конце концов и должен был начаться процесс подготовки к переходу к новому способу производства, как это и случилось в итальянских республиках в XII–XIV вв. А далее в некоторых странах Европы торговый капитал стал перерастать в промышленный, хотя для этого и потребовалось сочетание многих факторов (включая особый характер городов и прочее) и целые столетия. О причинах этого мы еще поговорим в дальнейших главах.

В результате на пороге и в течение нового времени в некоторых странах Европы среди качеств частной собственности на первое место стало выходить то, которое у ее античной родственницы было не главным. Другими словами, второстепенная и эпизодическая функция начала превращаться в одну из основных, а постепенно и в системообразующую. Естественно, что существенно трансформировались и другие функции. В конечном итоге стала изменяться и суть данного института. В этот период произошел ряд «мутаций», благодаря которым от Италии через Германию, Гол-

ландию и до Англии **частная собственность, имеющая юридически развитую форму и достаточно защищенная властью, соединилась с производительным капиталом. И только тогда она становится основой и движущей силой постоянного количественного и качественного роста экономики, трудосбережения, рационализма, новых способов хозяйствования.**

Мне кажется, такой подход снимает ряд сложностей и дает более адекватное решение поставленной проблемы. Но необходимо сразу оговориться: даже и введенные мною уточнения еще не объясняют всего и не убирают всех трудностей. Легко обратить внимание, например, что в момент, когда Европа уже однозначно обгоняла Азию, капитализм в ней был преимущественно торговым, во многом и спекулятивным, а не промышленным (этому моменту большое внимание уделил Ф. Бродель). В рамках исследуемого закона сразу нужно пояснить, что эта слабость производительной функции по сравнению с последующими эпохами вполне понятна и неудивительна: в переходный период и в незрелой системе она и должна быть такой. Важно, что она уже вполне обозначилась. Кроме того, отметим, что констатировать бесспорный факт усиления производительной функции в частной собственности – совсем не значит дать полный ответ на вопрос, почему это произошло. Данная проблема требует с моего исследования с учетом всех известных закономерных и случайных обстоятельств.

Следовательно, то, что капитализм в Европе на пороге и в начале нового времени был в основном торговым, не умаляет вышеприведенных рассуждений. Они в целом для своего масштаба вполне правомерны. Однако чтобы показать процесс и причины трансформации функций более легально, чтобы снять некоторые трудности, избранного нами масштаба явно недостаточно. Значит, требуется еще более мелкий масштаб, а к нему, естественно, определенные пояснения, уточнения, методики. Мы не можем сейчас заниматься таким анализом, поскольку это увело бы нас в сторону. Но отдельные замечания сделать стоит.

Во-первых, уже в средние века (особенно в конце этого периода) элементы производительной функции в Европе были гораздо сильнее, чем в иных (в том числе торговых) обществах. Все большую роль играла торговля не предметами роскоши, а товарами

массового производства. Все сильнее шло развитие техники и трудосбережения. Ведь фактическое или юридическое отсутствие рабства и регламентация трудовых повинностей требовали экономии труда даже в сельском хозяйстве, не говоря уже о горном деле. В результате у частной собственности, получившей импульс к саморазвитию, источники непроизводительной наживы оказались не просто ограниченными, по в ряде случаев постепенно уменьшались⁴⁴.

Во-вторых, развитию производительной функции способствовал ряд обстоятельств, например, меньшее плодородие земли, достаточная близость европейских обществ между собой, большое морское побережье и ряд прочих географических и иных особенностей, включая прекращение варварских нашествий с XI века. Эти факторы, когда начался экономический подъем в Европе, сыграли роль катализатора.

В-третьих, развитию частной собственности и ее производительной функции исключительно благоприятствовал момент разделения экономической и политической сфер, чего не было ни на Востоке, ни в античности. Частная собственность всегда нуждалась в политической и юридической защите. Но обычно либо происходил перекоп в сторону произвола власти, либо собственники сами, по словам древнего пророка, «превращались в князей» и ставили политику себе на службу. А нередко их эгоизм приводил к разложению государства и общества. В Европе в указанный период, в том числе и благодаря автономии городов, устанавливался определенный и благоприятный баланс: власть не позволяла слишком грабить собственников и менять правила игры, собственники не могли подменить государство и разложить его. А там, где такого разделения не произошло, замедлялось и развитие, как в Италии с XVI в.

Таким образом, для получения ответов на более конкретные или специальные вопросы в исследуемом нами здесь аспекте необ-

⁴⁴ Как один из примеров отмечу, что здесь по сравнению с другими регионами или эпохами роль военного грабежа для экономики и частной собственности была небольшой. Ведь даже в Афинах грабеж союзников был экономическим базисом расцвета этой демократии. Грабеж же колоний начался в эпоху уже подъема экономики и частной собственности, к тому же в них надо было с нуля организовывать хозяйство и ввозить туда практически все, поэтому даже при принудительном труде росли специализация и мировая торговля.

ходимо систематически проследить за тем, как и почему производительная функция постепенно утверждала свои позиции.

В завершение немного о методиках использования закона.

I. Если говорить об анализе класса (его части) объектов по функциям, то для социологии истории или теории истории, где не столь существенны прогрессивность и близость к генеральной линии исторического процесса, удобно будет составить как бы перечень всех известных функций и затем сделать классификацию. Это значит выделить: а) наиболее постоянные и распространенные, а среди них: самые важные; а также редкие, рудиментарные, экзотические, эпизодические и т. п. Исключения в методологическом плане могут быть весьма интересными, как всякие неординарные случаи, а также для поиска более емких обобщений. Надо также увидеть б) симбиотичность функций, учесть степень их чистоты и проявляемости. Затем в) вариантность главных функций как в общей системе, так и в подсистемах, а затем в отдельных объектах.

II. Для теории исторического процесса (тут закон применяется, как сказано, реже) надо сразу выделить линии и формации, а уже внутри такого локализованного объема проводить анализ, описанный выше.

III. Остановимся еще на том, как лучше, **точнее, правильнее применить идею об изменении функций к конкретному объекту**. Ведь одной из важнейших причин *вариантности функций у одноименных, объектов выступают неизбежные особенности каждого из таких объектов*. В то же время нельзя забывать, что рассматриваемый объект есть один из класса подобных. И даже если делается упор на его уникальность, в любом случае такой анализ нуждается и определенном фоне. Следовательно, здесь необходима особая методика применения закона.

Желательно определить: а) место данного объекта в интересующем нас классе, в том числе: а1) по времени и в периодизации; а2) по степени зрелости развития; а3) по отношению к генеральной линии и понять, к какой линии он относится; а4) по тому, насколько типичен или нет данный объект среди других; по его фактической роли в истории в отношении влияния на других или, напротив, заимствования от других, а также с учетом известного прошлого и возможного будущего объекта;

б) уровень обобщения, то есть берем ли мы весь класс или какую-то его часть; в последнем случае следует: б1) понять, какое место занимает интересующая нас часть во всем классе; б2) по отношению к достаточно сходным с ним объектам из выделенной части класса;

в) место данного объекта во всей системе, в которую он включен или которую он объединяет, в том числе: в1) соотношение общего и особенного в данном объекте по сравнению с другими членами системы; в2) понять, несколько особенное детерминировало его эволюцию; в3) сравнить место и роль аналогичных объектов в других системах. Тогда причины изменений, эволюции и подвижности функций станут более ясными и объяснимыми;

г) нужен учет индивидуальных особенностей объекта. Если взять какой-либо институт, например государство, то очевидно, что в зависимости от размеров, населения, внешней опасности, исторических особенностей, географического положения, стоящих задач, идеологии и многого другого в каждом случае наблюдается вариантность как в количестве и сущности функций, так и в их иерархии. Эта неповторимость усиливается разницей в качестве выполнения разных функций, даже если их роль более-менее одинакова в обществе.

Но, понятно, далеко не всегда нужно выполнять весь алгоритм и строго соблюдать последовательность. А полнота классификации зависит от того, что требует задача.

* * *

Прежде чем завершить разговор о законах исторического процесса, еще несколько слов в заключение. В этой главе я стремился выяснить, в чем причина неудовлетворительности понятия исторических законов⁴⁵, почему, говоря словами одного ученого, для многих великих философов детерминистские объяснения стали проигранной игрой⁴⁶, и в связи с чем произошел фактический отказ от этого научного инструмента. Дело в том, что претензии объективистского подхода на всеобщее и неизменное знание вступили в

⁴⁵ Надеюсь, читатель не забыл, что я разделяю понятия исторических законов и законов исторического процесса.

⁴⁶ Wagner P. L. The Concept of Environmental Determinism in Cultural Evolution // The Origins of Agriculture. Ed. Ch. A. Reed. The Hague-Paris, 1977. P. 51.

конфликт с научной практикой. Ведь какие бы широкие обобщения (законы, формулы) ни выводились, они всегда описывают лишь часть реальности, а могут быть продуктивно применимы к еще гораздо меньшей совокупности явлений. Но поскольку они выдаются за универсальные и главные, то начинают входить в противоречие с теми фактами, которые претендуют объяснить, и в конце концов отвергаются. Все это сильно суживает наши возможности. Следовательно, необходимо отказаться от объективистского взгляда на законы.

Но как это сделать, не разрушив само представление о законе? Ведь критика при всей ее важности не имеет положительного полюса. А «чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки или собрать новые факты – надо предложить новую теорию»⁴⁷. И важнейшая моя задача и заключалась в том, чтобы дать позитивное решение проблемы, то есть показать, каким образом можно использовать законы в теории исторического процесса, теории истории и – в разумных пределах – в историографии, не отказываясь от этого инструмента, но и не разрушая специфики предмета анализа.

Очень важным было найти меру сочетания общих свойств законов и особенностей законов исторических. Если вернуться к сравнению природных и исторических законов, то обнаружится, что специфика вторых по сравнению с первыми имеет разные причины. Во многом она объясняется самим характером исторического материала. Ведь здесь есть то, чего нет вне человеческого общества и что дает совершенно иное качество: совокупность объективных и субъективных факторов. Добавьте к этому непрерывность изменений в истории по сравнению с повторением процессов природы. Но другая часть проблемы коренится в недоразвитости, неразработанности теории общественных законов по сравнению с природными, поскольку трудности такой работы привели к тому, что ею вообще перестали заниматься. Но если найти более удачный подход, можно обнаружить общие черты любых законов, не отвергая специфики общественных. Поэтому подход к «специфическим историческим законам» неправилен ни когда «не допускается особой разницы между историческими, социологическими или иными закона-

⁴⁷ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 659.

ми»⁴⁸, ни когда утверждается полная противоположность между природными и историческими законами.

Продуктивными способами решения проблемы применения понятия «закон» к историческому анализу я считаю:

а) расширение содержания этого понятия, то есть отказ от представления о законе только как жестком, универсальном, неизбежном, обязательно повторяющемся в главных чертах процессе совершения чего-либо. Следовательно, классическое представление о законах годится лишь для их определенной части, но не для всех;

б) классификация законов и введение понятия типа законов, каждый из которых имеет большие особенности. Например, нельзя приравнивать повторяющиеся без существенных изменений и законы качественного развития. Соответственно общие свойства законов приобретают более абстрактный вид, а то, что выдавалось за их неприменные свойства (см. пункт а), характерно лишь для определенного их типа:

в) общественные законы представляются как имеющие в рамках общих характеристик собственные и весьма особые свойства. В свою очередь, они также должны делиться на законы исторического процесса, теории истории, философии истории и т. п. Эти подтипы, хотя существенно связаны между собой, имеют и серьезные отличия. И такое деление необходимо проводить и далее на более низкие уровни и меньшие объемы;

г) для законов исторического процесса необходима была процедура их группировки. Конечно, немало законов сквозных, которые как бы в определенном аспекте пронизывают всю реальность, и тогда находятся примеры, подтверждающие их в самых разных уровнях и системах. Но это не дает права объявлять их абсолютно главными, поскольку число таких аспектов в принципе бесконечно, а на практике достаточно велико. Отсюда понятие закона на более высоком уровне в определенной мере становится условным и переходит в понятия групп и систем законов. Сказанное не только не умаляет значения законов, но, напротив, ставит их в правильные рамки, в которых только они и могут работать;

⁴⁸ Гемпель К. Г. Функция общих законов в истории // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 96.

д) учет того, что прежде чем от относительно главных законов перейти к частностям, нужно выстроить длинную цепочку зависимостей и соотношений, каждое звено которой может существенно трансформировать исходный принцип. Однако это означает не то, что такие обобщения, говоря словами Риккерта, будут слишком высоко парить над жизнью, а что *закон нельзя прямо и просто приложить к конкретному случаю без определенной методики и правил соответствия*. Мало того, к каждому случаю надо сначала подобрать наиболее подходящий для его объяснения закон, подобно тому, как мы подбираем инструменты для совершения каких-то действий, или подобно тому как врач подбирает средства диагностики и лечения для каждого больного.

Итак, логика моей концепции исходила из того, что если отказаться от объективистских претензий на фактически абсолютное знание, если изменить гносеологические и методологические подходы к понятиям законов вообще и исторических особенно, то они способны вновь занять очень заметное место в арсенале теоретиков. Но отсюда следовало, что необходимо отказаться от идеи найти самые главные законы. Мало того, нужно еще признать положение о неопределенном и очень большом количестве возможных законов, в том числе главных. А это значит, что *историческое развитие никак нельзя объяснить одним-двумя главными законами, и понятие главных – относительно – законов можно использовать только для гораздо меньших объемов: определенных важных аспектов или крупных задач теории исторического процесса*.

Но в таком случае резко возрастает потребность в правилах и методиках, которые бы уменьшили опасность ошибок при определении важности и иерархии законов, способов их применения и т. д. Их разработка способна на многом существенно подтянуть качество этого инструмента и частично компенсировать отсутствие количественных характеристик в формулировках законов исторического процесса. Вот почему я считал совершенно необходимым показать возможные методики всех этих процедур и примеры их применения.

При этом использовались как традиционные, так и новые методы. Согласно Гадамеру, «никакой плодотворно работающий исследователь не может в глубине души сомневаться в том, что хотя ме-

тодическая чистота неизбежна для науки, но одно лишь применение привычных методов в гораздо меньшей степени составляет сущность всех исследований, чем нахождение новых, – и за этим стоит творческая фантазия исследователя»⁴⁹. Но, применительно к законам, не всегда новое – это именно совсем новое. Весьма часто новое – это правильно измененное старое. И задача как раз состояла в этом поиске возможностей объединить разные подходы и методики так, чтобы такой синтез дал существенно новый результат.

В конечном счете все эти методики нужны, чтобы лучше попытаться историческую реальность в разных ее аспектах и уменьшить разрыв между теоретизированием над историей, с одной стороны, и историографией – с другой, ни в коей мере не подвергая сомнению значительные особенности и определенную автономность последней.

Заключение раздела

В этом разделе я стремился доказать, что вполне возможно совместить разные точки зрения на исторический процесс и способы его анализа и при этом выйти на качественно новый уровень исследования и объяснения⁵⁰. И надеюсь, что в достаточной мере убедил не только в правомерности собственного подхода, но и большей его объяснительной силе и продуктивности, хотя окончательную оценку, конечно, выносит читатель.

Кроме того, этот раздел, особенно его центральная часть, – исследование цивилизаций и их исторической трансформации, – помимо ответа на тему книги, должен был продемонстрировать плодотворность опоры на масштабные теории при решении не столь крупных, а также, мягко говоря, сложность удачного изложения какого-то аспекта развития человечества вне связи с общим представлением о его историческом движении. Именно поэтому сначала потребовалось сравнить и соподчинить категории «формация» и «цивилизация», показать, что цивилизации есть один из видов про-

⁴⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М, 1988. С. 615–616.

⁵⁰ Как справедливо замечал Роже Гароди, «в конечном итоге самой верной гипотезой будет та, которая окажется способной вобрать в себя все другие» (цит.: Момджян Х. Н. Марксизм и ренегат Гароди. М. 1973. С. 35).

странственно-временных группировок обществ, а их развитие описать как составную часть исторического формационного процесса. С другой же стороны, нужно было еще раз заострить внимание на том, что прямо и просто прикладывать общие теории к более частным проблемам невозможно. Потребовалось найти те специфические понятия и методики, которые позволили обнаружить нечто единое в неповторимых цивилизациях и показать пути и причины трансформации последних в нового типа группировки обществ.

Выше я подвел итоги исследования о законах, без которого нельзя начинать моделирование исторического процесса в следующем разделе. Подходы к процедуре моделирования рассматривались в главе пятой. Но мне хотелось бы вновь вернуться к этому вопросу.

Вся история подобна «канату, сотканному из тысячи нитей, отдельные нити длиной в столетие, тысячелетие, а большая часть их является лишь короткими отрезками в пряже времени. Задача всякого исторического исследования – распутать эту ткань», – образно писал Курт Брейзиг⁵¹. Однако если прибегать к подобным сравнениям, то всемирная история – это не канат, ибо канат предполагает определенную и достаточно тесную связь, которая между событиями очень часто не просматривается. Правильнее сказать, что она есть поток, состоящий из многих течений, более сильные или постоянные из которых и представляют исторический процесс. Можно представить всемирную историю морем, в котором мы отыскиваем путь. При этом имеется несколько параллельных курсов, по достоинства их различны. Но все эти сравнения, по немецкому выражению, хромают.

Тем не менее всемирная история есть громада событий и процессов, расположенных во времени. Чтобы обозреть их, нужны особые способы. Просто описать их невозможно, получается слишком громоздко. Значит, задача – максимально упорядочить события так, чтобы в оптимальной мере и совместить возможность охватить разом историю, увидев в ней определенный порядок, и не погрешить против ее реалий. Важным шагом в этом плане мне представлялась необходимость разделения понятий всемирной истории и исторического процесса, и соответственно – теория истории и тео-

⁵¹ Цит.: Краткая философская энциклопедия. С. 191.

рия исторического процесса. А далее нужны методики, которые помогли бы разобраться в том, какие события и процессы и в какой иерархии по важности отобрать для включения их в исторический процесс. Центральным моментом здесь может выступить модель исторического процесса, которая должна вместить в себя достижения целого ряда очень емких познавательных и методологических средств.

Разумеется, я не вкладываю в понятие модели какой-то строго определенный или все сразу объясняющий смысл. Я вполне согласен с Марксом Вартофским, что невозможно найти четкий критерий «для различения между понятиями «модель» и «теория» или для эмпирического различения их применения»⁵². Поэтому в принципе можно было бы обойтись и просто понятием теории исторического процесса. Но все же, думается, правильнее настаивать на добавлении к понятию «теория» еще и слова «модель», поскольку в нем есть нечто семантически отличное от слова «теория», пусть и не слишком четко уловимое.

Иначе говоря, этим термином мне хотелось бы заострить внимание читателя на определенных и важных (иногда принципиально важных) особенностях той теории, которая ему будет предложена в следующем разделе. Очевидно, что теория теории рознь не только по содержанию, но и по методологии. *И вот именно в плане методов теоретизирования я и хотел бы конкретизировать свою позицию идей моделирования исторического процесса, а не просто его анализа, описания, объяснения.* Ведь раз речь идет о процессе, то желательно показать его энергетику, то есть движущие силы, причины усиления или замедления его скорости и смены направления, обусловленность одних вещей другими и т. п. А все это, думается, лучше объясняется понятием «модель».

В то же время модель вроде бы должна хотя бы в определенной мере, хотя бы в аналогиях, в образах «походить» на свой реальный объект. Но в нашем случае имеется в виду, конечно, модель особого рода, ибо ни история, ни исторический процесс не имеют никакой формы. Можно вести речь только о мыслительной модели, не являющейся некой уменьшенной копией объекта, поскольку и сам объект нельзя вообразить.

⁵² Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 29.

Попробую объяснить, что я понимаю под словом «модель» применительно к моей работе. Модель предполагает выделение частей, важнейших элементов и определенную последовательность операций по их «сборке». При этом отбирается наименьшее число «узлов» и операций, только те, которые действительно необходимы для ее создания. Именно это я подчеркивал, говоря о важности и достаточности двух измерений исторического процесса – горизонтального и вертикального.

Но надо обязательно оговориться, что я веду речь не о такой теории, которая дает объяснение исторического процесса во всех деталях, а о теории-модели, которая способна задать правильные рамки (то есть соотношения, объемы, уровни, периодизацию, движущие силы и прочее) для анализа любых крупных частей, аспектов или линий исторического процесса и дать ключ для их исследования и виде правил и методик. Но задать рамки и дать методики не значит иметь изначально готовые ответы на все проблемы, а значит лишь предполагать направления исследования и – в лучшем случае – иногда предварительные результаты его. Другими словами, *это не жесткая схема, а обладающая свойством подстроиться под материал теория-модель, подвижная, способная менять свои очертания в зависимости от задачи, объема, уровня, имеющая четкие правила таких трансформаций и учитывающая в то же время плюсы и минусы других альтернативных теорий.*

Разумеется, как логично рассуждает Вартофский, возникают два центральных вопроса. «Вопрос первый: в каком смысле, работая с моделями, ученый принимает те или иные экзистенциальные обязательства? Вопрос второй: насколько такие обязательства являются необходимыми или не необходимыми?»⁵³. Иначе, насколько верит ученый в реальность и, так сказать, схожесть своей модели с исторической действительностью, и насколько вообще он обязан в это верить?

Относительно исторического процесса эта вера должна быть, безусловно, осторожной. Попытки связать наши теории с концепцией «отражения» реальности ведут ко всякого рода недоразумениям, а в конце концов к явной или скрытой идее, что историей руководит некая внеисторическая сила, все равно объективная или

⁵³ Вартофский М. Ук. соч. С. 63.

субъективная, имманентная или обязанная только Случаю, а также появлению лишних сущностей. Кроме того, в любой модели вводятся понятия определенных сил и процессов, принимающих тем более абстрактный и безличностный облик, чем шире обобщения. И здесь таится опасность умаления безусловной идеи о том, что именно люди творят историю, а случай играет в ней очень важную роль. Однако, с другой стороны, отрицать за моделью всякие онтологические, реальные основания было бы абсурдным. Стало быть, проблема в мере сочетания объективности и субъективности⁵⁴.

Итак, история складывается из действий людей, побуждаемых самыми разными причинами к своей активности или пассивности. Но при определенной человеческой массе их действия уже неизбежно (и часто незаметно) приобретают форму, характер и свойства определенных сил и процессов. Это очевидно уже потому, что со смертью одного человека преемственность полностью не прекращается, а организации, институты могут существовать веками и тысячелетиями. Кроме того, человеческие действия всегда так или иначе, в большей или меньшей мере детерминированы обстоятельствами, тем более, когда эти люди представляют не себя, а социальные организмы, государства, армии и т. п. Опять же и реакции людей нередко похожи и могут быть сведены к определенным типам.

Все это и многое другое объясняет существование таких пластов общественной жизни, которые, несомненно, длительнее и фундаментальнее деятельности отдельных людей. Такие длительности, формы преемственности и изменяемости определенно и весьма наглядно могут быть выявлены на протяжении больших исторических периодов. Но и число таких пластов, и их комбинации, и взаимная обусловленность, и накладывание одних длительных процессов на другие, и степень детерминации в разных аспектах, и последствия каких-то действий и событий, и многое, многое другое может быть по-разному интерпретировано.

Таким образом, говоря о модели исторического процесса, мы должны верить: а) в реальность и большую роль фактов, которые

⁵⁴ Без соблюдения этой меры мы либо никогда не найдем, либо будем постоянно терять «конструктивный взгляд на прошлое». И, если использовать понравившееся Эдварду Карру выражение, нас будет тянуть либо в мистицизм (в духе Бердяева, Нибура, Тойнби), либо в цинизм, понимаемый как крайний субъективизм (см.: Carr E. H. What is History? N. Y., 1961. P. 144–145).

мы объявляем значимыми, важными, переломными и ключом к объяснению процесса;

б) в реальность каких-то длительных событий и процессов и их несомненную важность, хотя степень важности всегда под вопросом⁵⁵. Если, скажем, речь идет о сельскохозяйственной революции, то мы убеждены, что некогда сельского хозяйства не было, а затем в результате определенных событий оно появилось, развилось и распространилось. *Под сомнением всегда вопрос о решающих причинах такого появления и о степени влияния этого события на остальные, но не само оно;*

в) в избранной нами системе ценностей мы должны максимально избежать нарушений той логики, которую увидели. И если мы добьемся этого, то можем считать, что такая логика действительно существует. Не в том плане, что она заложена изначально или внеисторична, а в том, что правильно понятый процесс развития и в самом деле оказывается не случайным, а опирающимся на определенные важные свойства субъектов и объектов истории. Но эта логика не единственно возможная и может быть скорректирована впоследствии;

г) наша модель объясняет какие-то вещи, до того не достаточно ясные, и в целом лучше решает проблемы. Мало того, она и ставит новые, более сложные и глубокие проблемы, которые не просматривались ранее за грудой нерешенных.

Итак, мы верим, что историю разных обществ и стран можно представить как единый исторический процесс, поскольку, помимо алогичности, непознаваемости, неизвестности и пр., в ней можно увидеть и логику развития, и повторяемость, и направленность движения, и причинность, и прочее. И мы верим, что можем создать теорию-модель, которая позволит отсеивать более важные события (в избранных рамках) и объяснять достаточно крупные исторические явления. Правда, степень адекватности такого объяснения не

⁵⁵ Следует согласиться, что мы не можем однозначно сказать о какой-либо теории или идее, что «это истина, если она соотносится с фактами», поскольку они не могут быть взяты в абсолютном виде. Ведь факты, с которыми соотносятся теории, сами должны быть представлены в определенной форме, то есть в виде каких-то утверждений (актуальных или возможных). Отсюда утверждение об истине на основании лишь соответствия фактам может быть лишь частичной истиной, ибо мнение о самих фактах необходимо еще исследовать и проанализировать (см.: Walsh W. H. An Introduction to Philosophy of History- Bristol. 1992. P. 73, 76).

всегда удовлетворительна, но точность нашего анализа способна расти, и процесс улучшения здесь неограничен.

Тем не менее раз и навсегда проблему объективности и субъективности не решить. Причем надо готовить себя к мысли, что при открытии новых фактов, зависимостей или аспектов придется перестраивать свою модель, оставляя какие-то ее части, узлы и удачные решения, чтобы повысить КПД соответствия реальности и объяснения возникающих проблем.

Если исходить из духа марксизма, который, как тонко уловил Роже Гароди, «предполагает необходимость критического усвоения, впитывания в себя всех частичных истин, открытых благодаря плюрализму гипотез, призывает преодолеть их»⁵⁶, то следует искать возможно более широких обобщений, чтобы снять противоречия частичных гипотез и подходов, чтобы создать более интегрированную теорию, более удачную модель.

«Многие мыслители ставили своей целью развить такой культурный способ видения, наделенный внутренней глубиной и универсальностью, который, не навязывая априорных ограничений возможному ряду законных интерпретаций, смог бы сложить разбросанные осколки знания в подлинную и связную картину»⁵⁷, — говорит Тарнас. Далее он, однако, добавляет, что, «учитывая нынешнее положение, следует признать подобную интеллектуальную задачу почти непосильной»⁵⁸. Но все же мое мнение: непосильной она кажется только до тех пор, пока не признана как насущнейшая, рубежная, решающая. Когда она станет таковой в понимании значительной части ученых разных направлений, тогда могут и найтись способы ее решения. Необычная задача может родить и новые средства, тем более с учетом колоссальных возможностей информатики.

(Продолжение следует)

⁵⁶ Шт.: Момджян Х. Н. Ук. соч. С. 35.

⁵⁷ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 348.

⁵⁸ Там же.